

Роберта Вустерова

Куклы мадам Баттерфляй

Захватывающие приключения
юных сыщиков

6+

Роберта Вустерова

Куклы мадам Баттерфляй

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вустерова Р.

Куклы мадам Баттерфляй / Р. Вустерова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Тринадцатилетний Макс в отчаянии. Он совершил непоправимую ошибку, и теперь у него всего несколько часов, чтобы до возвращения родителей найти пропавшую младшую сестренку. Ему предстоит разгадать тайны помешавшейся на куклах старухи, крутого индийского программиста и человека с загадочными Черными Кубиками. Сумеет ли Макс преодолеть свои страхи? Помогут ли ему новые друзья - страстный сыщик Тимофей и его сестра, рыжая заноза Лиза? Как пригодится Максу его увлеченность логическими задачками? И зачем, наконец, понадобилась фотосессия с блинчиками? Детский, чуть-чуть мистический детектив.

© Вустерова Р., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая. Четверг	5
Глава вторая. Суббота. утро	9
Глава третья. Шкет на кухонном столе	13
Глава четвертая. «Что ты ко мне привязался?»	17
Глава пятая. Как успокоить мамусю	22
Глава шестая. Фотосессия с блинчиками	26
Глава седьмая. Двадцать тысяч зубов ахатины	30
Глава восьмая. Тайна знака «О»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава первая. Четверг

Старуха задерживалась. Часы на городской башне уже давно пробили одиннадцать, а она все не появлялась. На нее это было не похоже. Неужели что-то случилось?

Сыщик прижал вспотевшие ладони к шортам. Если старуха через пять минут не выйдет, ему придется выбраться из своего укрытия и отправиться домой, а операцию перенести на целый месяц. Оставить все сейчас, когда он так близок к разгадке, – об этом не хотелось даже думать.

На нос села муха и поползла по переносице. В носу защекотало, жутко захотелось чихнуть. Китайская пытка, подумал сыщик, вонзая ногти в ладони. Ни прогонять муху, ни производить оглушительные звуки было нельзя. Любой шорох или подозрительное шевеление веток могут его выдать. Огромный куст, весь покрытый белыми, противно пахнущими цветочками скрывал мальчика с головой. Но он знал, как осторожен объект его наблюдения, и, когда прятался внутри куста, старался реже дышать.

Тут, наконец, дверь домика скрипнула и отворилась. Даже не глядя в ту сторону, сыщик мог рассказать, что происходит. Он следил за женщиной третью неделю, и каждый четверг повторялось одно и то же. Ровно в одиннадцать она выходила на крыльцо, не меньше трех минут возилась с ключом и отправлялась на рынок. В прошлые «базарные дни» сыщик крался за ней по торговым рядам, прячась за спинами теток с кошелками. И сейчас хорошо представлял, что будет дальше. Больше часа бабка будет шататься по базару, щупать кабачки и груши, пробовать малину, торговаться из-за каждого рубля и обзывать продавцов вампирами, сосущими народную кровь. Домой вернется после двенадцати.

Муха улетела, однако нос чесался по-прежнему. Только не хватало чихнуть, когда она рядом. Чихнешь – и о засадах в жасмине придется забыть раз и навсегда. Вредная старушенция начнет проверять куст по нескольку раз в день, станет тыкать в ветки своей клюшкой, будто она скиф с копьем. Еще бинокль прикупит, чтобы из окон наблюдать. Сердце бухало где-то в горле. От резкого запаха цветов болела голова. Нет, месяц ждать нельзя. Если он сегодня не разберется, придется все рассказать мамусе.

Старуха уже заперла дверь на два оборота и теперь оглядывалась по сторонам, пристально всматриваясь в немногочисленных прохожих. Убедившись, что на нее никто не смотрит, она быстрым, почти незаметным движением сунула ключ в углубление за старинным дверным молотком в виде головы льва. А дальше произошло превращение, которому мальчик, сколько ни видел, не переставал удивляться. Тяжело оперевшись на клюшку, старуха чуть присела и согнулась в три погибели. И вот уже вместо высокой и крепкой, хотя и пожилой женщины с крыльца с трудом спускалась дряхлая согбенная бабка. Ее длинная черная юбка волочилась по земле.

Дождавшись, когда она скроется за поворотом, сыщик вылез из своего укрытия и несколько раз прошелся взад-вперед перед домом. Жаркое летнее солнце прогнало с улицы последних прохожих, лишь вдалеке какой-то бомж упоенно копался в мусорном ящике. Вбежав на крыльцо, сыщик быстро вытащил из-за льва ключ, открыл замок и вошел внутрь.

***

Как только подросток скрылся за дверью, из-за большого платана на другой стороне улицы вышел человек с биноклем в руках. Не сводя с дома глаз, он сунул бинокль в карман, потом пожал плечами и зашагал в том же направлении, в каком побрела пожилая женщина с тростью.

То, что мальчик за ней следит, еще ничего не доказывает, думал человек, поправляя на ходу тяжелый головной убор. Этот пацан не первую неделю ходит за леди по городу. Но вот то, что он полез в ее дом, вызывает подозрения. Хотя вряд ли он разузнал что-то новое. Наверное, просто заигрался в сыщика.

Владелец бинокля поморщился. Сколько ни бьется, концы с концами никак не сходятся. Что у него есть? Собственная ужасная история – раз. Загадочные события, которые произошли в этом городе прошлой осенью, – два. Фэнтези, сочиненное подростками с богатым, если не сказать необузданным, воображением – три. Странная женщина, за которой следит мальчик, – четыре. Второе и третье еще можно как-то связать. Осенние происшествия, несмотря на все попытки в них разобраться, так и остались тайной, покрытой мраком. Это же замечательная пища для фантазии любопытного мальчишки. Он такого навоображает – только держись.

Человек с биноклем промокнул платком вспотевший лоб. Зря он разгуливает в такой одежде. И жарко, и слишком в глаза бросается. Впрочем, как раз для этого он в город и приехал. Чтобы привлечь к себе внимание. Чтобы о нем заговорили, чтобы знали, где живет. Но все равно не надо было в таком наряде приходить на Виноградную. Если он собирается навестить женщину, не стоит настораживать ее заранее.

Если бы ищейка дала ему еще хоть одну зацепку. Может, она ошиблась? Нет, он не сомневается, что составил задание правильно. И все-таки: копалась почти год и нарыла только это. Гадай теперь, какое отношение к его семье имеют местные жители.

Владелец бинокля свернул к центру и ускорил шаг.

За целый месяц он так и не достиг цели. Что делать дальше? Шататься за пожилой дамой, как этот мальчишка? Подростки могут играть в сыщиков сколь угодно долго. Он не может. Видимо, пора уезжать. Но перед отъездом он все-таки бросится головой в омут и явится к леди с вопросами. Не забыть прихватить с собой для нее какой-нибудь сувенир.

Женщина она, конечно, презабавная. Чего стоит один трюк с превращением в дряхлую старуху. Но ведь он не за тем тут торчит, чтобы восхищаться ее актерскими способностями.

Он специально не скрывался, выставлял себя напоказ, чтобы в этом городе о нем узнало как можно больше людей.

Чтобы тот, кто ему нужен, понял: человек приехал к нему договориться и ради этого готов на все.

***

– Он взрослый парень, – убежденно произнес папа Иванов. – Вполне дорос до того, чтобы приглядывать за сестренкой те несколько часов, что мы будем в отъезде.

– Я и сама знаю, что он ответственный, что на него можно положиться, – ответила мама Иванова сомневающимся голосом. – Но все-таки мы еще никогда не оставляли их одних так надолго.

– Надолго – это с семи утра до десяти вечера, – уточнил папа. – Скорее всего, мы вернемся раньше. Не понимаю, что может случиться за какие-то пятнадцать часов.

– Зимой я бы не боялась, – задумчиво протянула мама. – Они не стали бы месить грязь. Сидели бы дома, занимались каждый своим делом. Но сейчас лето...

– Чего ты боишься? Чем лето страшнее?

– Ты хорошо знаешь, чего я боюсь. Сегодня День города. Большой праздник. Макс поведет ее в парк.

– Он и так часто водит ее в парк. Ничего же не случается. А в праздник всегда порядка больше, полиция старается.

– Ничего не случается, потому что я недалеко и мое присутствие ее защищает. Ну, или мне кажется, что защищает.

– Слава циркулю! А то я уж подумал, ты ударилась в мистику и наш дом вот-вот наводнят чревовещатели.

– Ты все смеешься. Лучше вспомни историю с девочками.

– Милая, но все же кончилось хорошо. На них ни одной царапины не нашли. И психика в порядке. И аппетит. Такие же, как всегда, веселые, здоровые...

– Только сутки неизвестно где пропадали. И ничего не помнят, заметь. Сам говорил – такого не может быть. Но ведь было. А матери! Они же чуть с ума не сошли.

– Это было почти год назад. С тех пор тишина и покой. Как, впрочем, и до того. Ты же не будешь спорить, что у нас очень тихий и спокойный городок, в котором самое ужасное происшествие – драка футбольных фанатов.

– Все равно я боюсь. Жаль, Ленусика с Кариной нет в городе. Они бы присмотрели.

– Не бойся. Ничего с Катюхой не случится. И Максу немного самостоятельности не помешает. Он слишком домашний, даже в каникулы не выползает из-под ноутбука. Ему приключения нужны. Новые друзья, девчонка какая-нибудь с глазищами. Чтобы влюбиться без взаимности.

– Ну что ты говоришь! Он еще маленький.

– Хорош маленький – тринадцать стукнуло.

– Совсем недавно.

– Ты слишком над ним трясешься. В его возрасте из дома сбегают, опасностей ищут. Вот ответь мне как профессиональный психолог: тебя не напрягает, что он растет ботаном?

– Как профессиональный психолог я считаю, он не робкий. Замкнутый немного, стеснительный, но это не значит, что слабый.

– Согласен. Слабому не под силу полгода уперто писать сценарий компьютерной игры.

– Слабому давно бы надоело.

– Ну что, решено? Жаль, конечно, что праздник пропустим. Но сама понимаешь – нам нужно туда съездить и увидеть все собственными глазами. Чай, не корову покупаем.

– Хорошо, уговорил, – улыбнулась мама Иванова. – Но знай, если с ними случится хоть какая-нибудь микроскопическая ерунда, я умру. И потом никогда тебе этого не прощу.

– Договорились, – улыбнулся в ответ папа Иванов.

***

Человек, получивший в наследство Черные Кубики, бросил голубям последнюю горсть семечек и смял бумажный кулек. Часы на городской башне показывали половину двенадцатого. Пора возвращаться.

Он хорошо погулял сегодня, еще раз все обдумал. Ему всегда отлично думается на ходу. Если братья-разбойники не подведут, в субботу он уедет из этого города навсегда.

Дело сорваться не может. Все рассчитано по минутам и по шагам. Братья-разбойники свои инструкции зазубрили наизусть, специально проверял. Кто, где, во сколько – оттарабанивают, как пятиклассник таблицу умножения. Часы их тоже сам завел и сверил. Времени на основную операцию более чем достаточно. Хотелось бы, конечно, иметь на руках оба кубика одновременно, но тут ничего попишешь. Лучше обойтись без истерики и обмороков. Ну, подумаешь, пробежится младший лишний раз по городу – только здоровее будет. Движение – это жизнь.

Мужчина, поднялся со скамейки, посмотрел по сторонам.

Ему нравился этот маленький город на юге России. Вообще-то он мог поселиться где угодно. Не в Москве, конечно, нет. После того как он не справился со своей злостью и совершил необдуманный поступок, Москва для него закрыта. Он мог жить, например, в Самаре или Архангельске. Где-нибудь на Урале или в Сибири. Но он любил тепло и ненавидел снег. Любил ходить пешком и не выносил пробки на дорогах. Он не поехал на Урал. Он поселился в городе,

который из конца в конец можно пройти за час. В местечке, где на улицах вместо берез растут абрикосы и грецкие орехи. Где лето начинается в апреле, а заканчивается в октябре. Где днем люди плотно задергивают на окнах шторы, чтобы в полумраке отдохнуть от солнца. И где все друг друга знают, а любая новость распространяется со скоростью пожара в сухом сосняке. Вот почему очень скоро придется отсюда уехать.

Ему хорошо жилось в этом городе и будет жалко с ним расставаться. Даже со всеми выходками одного несносного существа ему жилось в этом городе просто замечательно. И потом еще недавно никто не стал бы его здесь разыскивать.

Человек, получивший в наследство Черные Кубики, бросил смятый кулек в урну и отправился в магазин за молоком.

***

«Двумя руками Баба Яга поднимает метлу за черенок, как двуручный меч, и со всей силы шмякает вурдалака по лысому черепу».

Поставив точку после слов «лысый череп», Макс задумался. Во-первых, над тем, бывают ли лысые вурдалаки. Во-вторых, над тем, как быть со шмякнутым упырем дальше.

Вариантов пока было три.

По первому, вурдалаку от метлы ничего не сделается, и он кинется улепетывать от Бабы Яги по стенам замка, аки человек-паук. Яга, разумеется, понесется за ним в ступе. Вурдалак нырнет в дыру, оставшуюся от окна. Если у Бабы Яги не хватит ума затормозить и она ринется за врагом на полной тяге, то попадет под град ядерных стрел лесной нимфы-вампириши. Дальше – как повезет. Сумеет бабуля уклониться от всех стрел – вампирише капец. Яга проткнет ее черенком метлы, который вырезан из осинового кола, и заберет себе лук, правда, без стрел. Если же хоть одна стрела попадет в ступу, Яга останется без транспорта, с одной энергометлой. Что будет потом, Макс еще не придумал.

Второй вариант был самым простым: вурдалак с громким шипением испаряется, а метле добавляется еще один энергопрут. Ни действия, ни развития. Никакого увлекательного геймплея.

Третий нравился Максиму больше всего. От удара метлы вурдалак превращается в шестого домовенка. Вместе с пятью другими домовятами со сверхспособностями он образует магическую шестерицу – маленькое, но могучее войско Бабы Яги. Шестерица завоюет Яге дополнительную жизнь, оснастит ступу реактивной тягой, отбитой у противника, и поможет старушенции перебраться на следующий уровень. Или, наоборот: всей кучей они вернутся назад и получат доступ к другому пути к Кашею – не через заброшенный замок.

Макс задумался, чем вооружить будущих врагов Бабы Яги, чтобы они могли противостоять бабуле и ее магическому войску. Но это все механика. А как же с сюжетом?

В его голове засуетились образы нечисти, которая рвалась занять место в сценарии. Но захватывающий сюжет с лешими и болотными хмырями пока не вырисовывался. Геймплей явно тормозил. Мысленным взором Макс заметил, что нечисть начинает тарашиться на него со злобным негодованием.

Ладно. Он пошевелил пальцами над клавиатурой ноутбука и впечатал в сценарий новое слово.

Глава вторая. Суббота. утро

– Катька, я вернулся! – крикнул Макс, вваливаясь в квартиру вперед спиной. – Ты почему дверь за мной не закрыла? Я же просил. Кругом мошенники шмыгают. Отберут Пузика, будешь плакать.

Катя не ответила.

На критику обиделась, подумал Макс.

Не выпуская террариум из рук, кое-как стянул с ног сандалии и прошел к себе в комнату. Место на подоконнике он расчистил заранее и теперь с облегчением шлепнул ношу туда. Щурясь от яркого солнца, мальчик смотрел, как Тинтин медленно ползет по дну стеклянного куба. Гигантская африканская улитка ахатина поворачивала то вправо, то влево свои длинные глаза-щупальца, осматриваясь на новом месте.

...Если бы Серый, друг Макса по школе, не покрывался от слизи улитки розовыми пятнами, он ни за что бы с ней не расстался. Но сегодня утром Серёгина мама поставила ультиматум: или сын немедленно находит Тинтину нового хозяина, или она прямо сейчас относит его обратно в зоомагазин.

По телефону голос Серого звучал умоляюще. «Давай проверим на тебе, – просил несчастный хозяин Тинтина. – Хотя бы с неделю. Вдруг тебе повезет, ты не пойдешь пятнами и тогда оставишь его себе. А не повезет, я что-нибудь придумаю. Объявления развешу: «Отдам улитку в добрые руки».

Отказать Серому Макс не мог. Не принято было в их дружбе отказывать другу в просьбе. Макс догадывался, как отреагируют на появление ахатины родители, но рассудил, что неделю они продержатся. Наскоро покормив Катю завтраком, он сполоснул миски-ложки и пообещал, что вернется ровно через тридцать минут. И как только вернется, они отправятся в парк.

Уложиться в тридцать минут не удалось.

Оттягивая расставание, Серый долго рассказывал приятелю, что едят ахатины, как впадают в спячку, когда еды не хватает, как обожают купаться. Обещал навещать улитку каждый день и даже менять ей подстилку, для чего собрался стянуть у мамы резиновые перчатки. На прощанье он погладил любимицу и угостил листиком салата.

Потом Макс долго тащил террариум до своего дома.

Стеклянная штука оказалась гораздо тяжелее, чем уверял Серый. Нести ее можно было лишь одним способом – обхватив руками и прижав к животу. От напряжения руки потели, и террариум начинал скользить вниз. Приходилось останавливаться и подпирать его коленкой, чтобы вытереть влажные ладони о футболку. Хорошо еще Макс отделался от «приданного», которое настойчиво совал ему друг. От кирпича из спрессованного кокосового волокна – подстилки для Тинтина и большого огурца, его любимого лакомства. Если бы не отделался, давно лежал бы на асфальте, придавленный кубом, кирпичом и огурцом. Улитка в счет не шла. До гигантской ей еще расти и расти.

В тысячный раз подтолкнув террариум вверх, Макс представил, как здорово было бы сейчас развалиться на тротуаре. Вот он лежит у входа в какой-то магазин, спокойный и счастливый, руки вразлет. На животе покачивается прозрачный куб. Вокруг люди. Шумят, толкают друг друга. Каждый хочет посмотреть, как Тинтин скребет зубами по огурцу. У ног Макса табличка: «Зверинец переносной».

Он тряхнул головой и в тысячепервый раз толкнул террариум коленом.

Дотащившись до своего подъезда, Макс передохнул на скамейке и из последних сил поволокся к себе на третий этаж. На лестнице стало особенно тяжело. Пальцы елозили по стенкам так, что он боялся выронить ахатину на ступеньки. От страха в голове стоял звон бьющегося

стекла – совсем как на прошлой неделе, когда он нечаянно грохнул на кухне графин для воды. Пока добирался до своей квартиры, поклялся, что в следующий раз согласится нести только чугунный мост...

...Увлеченный Тинтином, Макс не сразу заметил, что в доме тихо. Обычно в это время сестра бесилась у себя в комнате, распевая песни вдвоем с любимым сиреневым бегемотом Пузиком, или, пыхтя, отвинчивала голову новой кукле.

– Катюха, иди, посмотри, кого я принес, – позвал он, но в ответ опять не раздалось ни звука.

Макс удивился. Шестилетняя Катка совала нос во все дела старшего брата. Смотрела, какие книги он читает, рылась в ящиках стола, пыталась залезть в ноутбук. Макса это забавляло. Иногда он специально оставлял в столе любимый Катин жевательный мармелад, резинку для волос или фломастер необычного цвета. Однако вход в ноутбук на всякий случай запарол, чтобы она не добралась до «Нечистой силы».

Катя ни за что не пропустила бы появление в доме улитки. Надулась и теперь прячется, решил Макс. С собой я ее не взял, за открытую дверь отругал. Сильно обиделась. Надо мириться.

Выйдя из комнаты, он закрыл глаза руками и громко досчитал до десяти. Пробормотав напоследок «Кто не спрятался – я не виноват!», пошел по квартире, заглядывая во все укромные уголки. Сестры не было ни в кладовке, ни в шкафу родительской спальни, ни за диваном в гостиной, ни под письменным столом в кабинете отца. На полу кухни нашелся сиреневый бегемот. Странно, обычно она с ним не расстается...

Когда он двинул в Катину комнату, в квартире раздался звонок. Кого-то принесло ну совсем не вовремя.

Макс посмотрел в глазок. Обзор закрывала полоска белой ткани с красным кругом посередине и иероглифами по бокам. Хатимаки, вспомнил название Макс. Понятно. Всего один человек из всех Ивановских знакомых носил на голове японскую бандану. Одуванчик, Петр Савельич Кочепаскин, сосед по лестничной площадке.

Кочепаскин появился в доме, где жила семья Ивановых, всего полгода назад, но за это время успел сдружиться с Ивановыми-старшими. Он был маленьким, крепким, энергичным старичком, почти совсем лысым, только над ушами торчали кустики пушистых белых волос. На солнце кустики светились, как парашютики одуванчика, за что Петр Савельич и получил от Ивановых-младших свое прозвище. Говорил он быстро, короткими фразами и очень любил давать советы, приводя в пример поучительную историю из своей жизни.

Все его истории начинались со слов «Когда я служил в Башкирии...». Но такое вступление не гарантировало, что история будет про то, что случилось в Башкирии. Чаще всего после первой же фразы судьба в виде командира воинской части забрасывала Кочепаскина в самые невероятные места. То на Крайний Север, где он месяц жил в хижине на берегу Белого моря. То в Африку, в заповедник Ботсваны. А то и вовсе в подземелья Петербурга.

– Представляете, милочка, – говорил Петр Савельич маме Макса и Кати, – на Белом море мы с товарищем целый месяц не ели хлеба. Белые медведи там были. А хлеба не было. Местные жители его не пекли, да и муку-то видели, когда вылетали на материк.

– На материк? – удивлялась мама.

– Ну да, там же десятки островов. На некоторых живут люди. Мы с товарищем случайно застряли на одном из самых маленьких обитаемых островов. Ждали катер, а он не мог добраться до нас из-за раннего ледостава.

– И что ж вы ели целый месяц?

– Вы не поверите, милочка, – красную икру. Нам дали трехлитровую банку красной икры, и мы ели ее большими ложками. В конце жевали и плакали – так хлеба хотелось. С тех пор я хлеб никогда не выбрасываю. И вам не рекомендую.

К соседям Петр Савельич являлся в хатимаки, темно-вишневом атласном кимоно с драконом на спине и деревянных сабо, гроыхающих, как боевые японские барабаны. Внешний вид добавлял его историям экзотики. Заслышав «Когда я служил в Башкирии...», на кухню подтягивались все имеющиеся в наличии Ивановы.

Слушать про икру Кате не нравилось. Она считала ее гадостью, хотя пробовала всего раз. Зато обожала истории про петербургские подземелья, секретные ходы под дворцами, потайные двери, ведущие вниз прямо из царских спален. Максу нравилось все. И про поморов, и про подземелья, и, особенно, про Центральную Калахари, заповедник Ботсваны. Кочепаскин рассказывал, как слоны отгоняют львов от слонят стопудовыми ножищами. Как гепард, догнав на бешеной скорости антилопу, валится рядом со сбитой жертвой без сил. И иногда так долго не может встать, что добычу уволаскивают наглые гиены.

Когда рассказчик уходил, папа тер переносицу.

– Самое удивительное, что он не врет. Может, капельку приукрашивает, но в основном, даже в деталях – все соответствует действительности. Неужели он реально бывал в Африке? Не удивлюсь, если бывал. Есть в нем что-то от авантюриста. Так и кажется, что его сочинения – лишь вершина айсберга. А под водой у нашего Петра Савельича много чего разного.

– Ну что ты наговариваешь на хорошего человека, – сердилась мама. – Он немного словоохотлив, но это ведь небольшой недостаток. Подожди, проживешь до его возраста, тоже будешь всех историями доставать.

– Историями о чем? – смеялся папа. – О гальванических покрытиях? Или я чего-то не знаю, и мы завтра вылетаем в Ботсвану?

С мамой Петр Савельич делился рецептами омлетов и запеканок. С папой – замечательной дрелью, которая настолько легко сверлила дырки в кирпичных стенах, что даже Макс с ней управлялся. Когда родителям приходилось, как сегодня, уезжать из дома на целый день, до позднего вечера, они всегда просили соседа «приглядеть за детьми». Тот брался за дело с огромным энтузиазмом. Вот и сейчас он показывал в глазок тарелку, накрытую ярко-синей крышкой. Макс вздохнул и открыл дверь.

– Привет юному поколению! – сказал Одуванчик и ткнул мальчика в бок пальцем. – Как дела? Проголодались? Я блинчики испек. С вареньем за уши не оттащишь!

Быстро отделаться от Одуванчика еще никому не удавалось. Макс посторонился, пропуская его в квартиру. У Ивановых Петр Савельич ориентировался как у себя дома. Проскочив на кухню, он шлепнул тарелку на стол и открыл холодильник, чтобы достать варенье. Но тут же закрыл его и с тревогой посмотрел на Макса.

– Где Катюша? – спросил он, заглядывая мальчику за спину. – Почему ее не видно?

Признаться, что оставил сестру одну, пошел к другу за улиткой и задержался? Одуванчик такое вряд ли оценит. Однако врать Макс не любил. Пришлось сказать, что выходил ненадолго, а когда вернулся, в доме было тихо.

– Думаешь, она ушла? – занервничал Одуванчик, узнав, что Катя не отзывается. – Может, спряталась где и заснула. С маленькими это бывает. Ты искал?

– Искал, – Макс грустно покивал головой. – Почти всю квартиру обшарил. Только в ее комнате не успел посмотреть.

– С нее надо было начинать.

Одуванчик быстро вышел из кухни. От стука его сабо Макс стало не по себе. Если бы сестра была дома, то уже бы объявилась.

В Катиной комнате было пусто. Выглянув в окно, Макс увидел толпу шумной мелюзги, переходившей дорогу под присмотром вожатых с красными флажками. Летний лагерь вели

в городской парк, зеленеющий на другой стороне улицы. Уходя за Тинтином, Макс обещал покатать там сестру на карусели. Видно, Катя, не дождавшись брата, отправилась в парк сама.

– Я знаю, где она, – сказал Макс. – Сейчас ее найду.

– Да-да, – рассеянно отозвался Петр Савельич.

Макс обернулся на Одуванчика и удивился: тот не сводил глаз с полки, на которой сестренка расставила в ряд свои игрушки.

– Странная какая кукла, – бормотал старичок, впившись взглядом в Рыжего. Не думал, что такие бывают... Давно она у Кати?

– Рыжий? – переспросил Макс. – Дня два. Катька его нашла. Говорит, на детской площадке в домике под скамейкой лежал. Мама завтра хочет объявление дать на одиннадцатый канал, может, хозяин найдется.

– Объявление, говоришь? – задумчиво произнес Одуванчик. – Объявление – это хорошо. Ежели объявление дать, конечно, найдется...

– Пойдемте, Петр Савельич, – Макс нетерпеливо потянул гостя за рукав. – Мне за Катей надо бежать. Мама обещала голову открутить, если я ее одну из дома выпущу. Боится, как бы чего не случилось. И почему она меня не дождалась?

– Пойдем-пойдем, – заторопился Одуванчик. – Мне тоже пора бежать. Срочные дела, понимаешь...

Громыхнув напоследок сабо, Кочепаскин выскочил из квартиры. Макс пронесся в свою комнату, дернул за штору, чтобы Тинтин не перегрелся на солнце, рассовал по карманам телефон и ключи. Сердце бухало уже и в горле, и в ушах. С трудом застегнув сандалии дрожащими пальцами, он вылетел из квартиры.

Глава третья. Шкет на кухонном столе

Дорогу Макс перебежал на красный свет.

За спиной завизжали тормоза, сбоку раздраженно засигналила «пятнашка». Не утерпел и водитель маршрутки, поджидавший пассажиров на остановке. Он высунулся в окно и громко обругал всех подростков, которые ничьей жизнью не дорожат.

Влетев в парк, Макс остановился у входа. Катя могла отправиться на детскую площадку с каруселями, качелями, песочницей, игровым лабиринтом и желтым пластиковым домиком со скамеечками внутри. Могла пойти и направо, к фонтану, куда в начале лета запустили золотых рыбок. Вокруг фонтана стояли палатки с «пепси», сахарной ватой и любимым Катиным мороженым. Но он знал, что денег у сестренки нет, а смотреть, как другие облизывают сладкие шарики, а потом греют на солнце замерзшие языки, она не любила.

Макс понесся к детской площадке. Там всю галдела малышня. Кудрявая девчонка с большим розовым бантом с криком «Ааааа!» скатывалась с ярко-зеленой надувной горки. Двое трехлеток тягали друг у друга оранжевого зайца вполтину себя ростом. Еще один ревел рядом, сжимая в руке длинное оранжевое ухо. На лавочках вокруг площадки сидели мамы. Почти все уткнулись в телефоны, и лишь одна читала журнал с большими красными буквами на обложке: «Гороскоп на месяц! Берегитесь предательств!».

Макс обшарил всю площадку. Облазил кусты, заглянул под скамейки, сунул голову в домик, вспугнув двух девчонок с куклами. Спросил у мам, не видели ли они маленькую беленькую девочку в голубом платье и с перламутровым ободком на голове. Когда мамы отрицательно покачали головой, он полетел к фонтану. Потом пробежал по аллеям. Снова заглянул на детскую площадку. Сестры нигде не было.

Оставалось осмотреть еще одно место – лодочную станцию на пруду в дальнем углу парка.

Узкий, длинный и глубокий, пруд змейкой петлял среди деревьев. Даже в самое жаркое лето вода в нем не прогревалась из-за холодных ключей. Пляжа на нем не имелось. Зимой в ледяном крошечке плескались «моржи» из местного клуба «Горячие белые медведи», в остальное время по гладкой поверхности скользили лодки и плюхали катамараны с отдыхающими.

Рядом со станцией располагалась зона отдыха с мангалами, деревянными столами и скамейками. С весны до осени тут жарили шашлыки и продавали пиво. Малышня без родителей сюда не забредала. Развлечений для нее здесь не было, к тому же малявок беспощадно гонял спасатель, постоянно дежуривший у лодок. Кате строжайше запрещалось ходить к пруду одной.

Макс выскочил на берег. Лодочная станция находилась на дальней от него узкой стороне водоема. Там происходило что-то необычное. На траве стояли машина скорой помощи и полицейский джип. У кромки воды высился третий автомобиль с крупными буквами МЧС на борту. Вокруг толпились люди.

От машины МЧС в воду уходил трос.

Сердце Макса забилося, как после сдачи норматива по физре. В панике он помчался по тропинке. Ноги цеплялись за корни деревьев. Пару раз он чуть не упал, но все равно не выпустил трос из виду.

На машине МЧС заработала лебедка. Трос зашевелился и начал накручиваться на барабан. Из воды показался шлем водолаза.

У Макса потемнело в глазах, и он прижался спиной к дереву. Сейчас он увидит на вытянутых руках спасателя безжизненное тело Кати. В спутанных волосах – перламутровый ободок, который он подарил ей вчера.

В голове с бешеной скоростью замелькали страшные картины.

Вот полицейские заводят его руки за спину и защелкивают наручники. Вот его заталкивают в машину с решетками на окнах. «Он нарушил обещание, – скандируют в толпе, указывая на него пальцами. – Он не уследил за сестрой».

Макс ищет взглядом родителей, но они не желают с ним разговаривать. Папа смотрит в сторону, мама рыдает у него на груди. Машина с решетками трогается. За ней бегут журналисты. «Это не даст тебе забыть, что ты натворил», – говорит полицейский с пистолетом и кладет ему на колени мокрого сиреневого бегемота. «Откуда тут Пузик? – удивляется Макс. – Он же остался на кухне».

В мозгах прояснилось. Отклеившись от дерева, Макс устоял на водолаза, который уже выбрался на берег. Он держал в руках погнутое велосипедное колесо. Барабан продолжал скручивать трос, выволакивая на траву железную плоскодонку без весел. Народ стал расходиться. Коротко посигналив, уехала скорая, за ней последовал полицейский джип.

Макс облегченно вздохнул. При таком скоплении людей с Катей не могло случиться ничего плохого. Может, она уже вернулась домой? Подстегнутый надеждой, он снова рванул через дорогу на красный. Катя не сидела на лавочке у подъезда. Через две ступеньки он взлетел на свой этаж. Она не поджидала его на лестничной площадке.

Он бросился на кухню. На холодильнике торчал из-под магнита клочок бумаги с домашним телефоном лучшей Катиной подружки. Дрожащими пальцами Макс вытащил сотовый и набрал номер. Вслушиваясь в длинные гудки, он соображал, как спросить о Кате, чтобы не заподозрили неладное. Но на звонок никто не ответил. Подружка жила в соседнем дворе, и Макс снова выскочил на улицу.

Спустя час он вернулся домой и сел на диван, обхватив голову руками. Катя не нашлась ни в соседнем, ни в других дворах их короткой улицы. Ее не было нигде. Городок, где жил Макс, был небольшим, и за час он оббежал почти весь, за исключением дальних окраин. Но сестра будто под землю провалилась.

Что будет, если она не найдется до возвращения родителей? Если пропала, как те девочки? Макс представил лицо мамы, когда она узнает об этом, и у него пересохло в горле.

Он побрел на кухню и достал из холодильника бутылку воды. На столе рядом с тарелкой с Одуванчиковыми блинами валялся пульт от телевизора. Отпив глоток, Макс рассеянно нажал на кнопку.

Экран на стене ожил. Местный канал заканчивал выпуск новостей. С улыбкой пообещав зрителям продолжение жары, ведущая стала складывать бумаги. Внезапно в кадре возник и тут же пропал лохматый мужик в очках. Лицо ведущей изменилось. Она напряженно вслушивалась в то, что ей говорили в наушник. Внизу экрана поползли красные буквы «Срочное сообщение!».

Макс дернулся. Бутылка больно стукнула по зубам, вода выплеснулась на стол. Его охватил ужас, по сравнению с которым испытанное на пруду потрясение казалось детской шуткой.

– В наш город вновь вернулся кошмар, – мрачным голосом произнесла ведущая. – Все помнят события прошлой осени, когда у нас начали пропадать маленькие девочки. Первой исчезла Ира Макарова. За ней, неделю спустя, – Варя Тимошина. К счастью, девочек находили уже на следующий день, причем абсолютно здоровыми и невредимыми.

Макса трясло. Какого фига она тянет время? Почему сразу не сказать, что случилось.

Дикторша на миг замолкла, прижав палец к уху. Видимо, выслушивала новые указания.

– Тайна их внезапного исчезновения осталась нераскрытой, – продолжила она после заминки. – С Ирой и Варей работали психологи. Полиция опросила сто сорок семь человек, но не нашла свидетелей случившегося. Сами девочки не помнили, где провели целые сутки. Версии выдвигались разные, вплоть до похищения детей пришельцами.

Максу захотелось метнуть в экран что-нибудь тяжелое. Потяжелее бутылки с водой, которую он все еще сжимал в руке.

Лицо ведущей снова изменилось. Не скрывая облегчения, она объявила, что в редакции только что подготовлен материал о новом происшествии и его сейчас покажут зрителям.

После первых же фраз Макс потерял к новости интерес. Подумаешь, два дня назад в городе пропал какой-то одиннадцатилетний пацан. Лето же. На море сбежал или в зарослях на реке прячется. Отыщется, никуда не денется. В одиннадцать лет Макс и сам собирался отчалить в кругосветное путешествие. Даже припрятал в потайном месте перочинный нож, моток веревки, спички, фонарь и пачку печенья. Катя случайно нашла тайник и, конечно, расщебетала все родителям. Пришлось дать обещание подождать с путешествиями до совершеннолетия.

Пока Макс стирал со стола воду, телевизор бурбулил дальше.

Как выяснилось, Тимофей Галкин – так звали пропавшего – и его сестра всю последнюю неделю жили одни, потому что их мама уехала в командировку. За внуками присматривала бабушка, живущая по соседству. В четверг мальчик ушел из дома, предупредив родных, что переночует у друга на даче.

– Он часто так делал, – рассказывала с экрана бабушка, вытирая платком слезы. – Мы с этой семьей дружим, на даче у них бываем. Но туда из города не дозвонишься, связь плохая. Я и не беспокоилась...

Паникерша эта бабка, думал Макс, закручивая на бутылке крышку. Мало ли где связь плохая. Чего сразу тревогу бить. Любят же взрослые каждый наш шаг контролировать.

– Мама Тимофея вернулась из командировки сегодня утром, – сообщила дикторша. – Не найдя сына у друзей, она сразу же обратилась в полицию. К поискам уже подключаются волонтеры. Просим всех, кто что-нибудь знает о пропавшем мальчике, позвонить по этим телефонам.

На экран вывели несколько номеров, потом они сползли вниз, в бегущую строку, а сверху появилась фотография Тимофея Галкина. В футболке защитного цвета, шортах и синих слипонах на толстой подошве он стоял у фонтана под брызгами воды. У шкета были зеленые глаза, рыжие волосы и уши, как у индийского слона. Рука Макса дрогнула...

Бутылка с водой слетела со стола и покатила по полу. Пихнув ее ногой, он пронесся в Катину комнату, схватил Рыжего с полки и, вернувшись, уставился в телевизор.

Кукла была точной копией пропавшего пацана. Такие же волосы, глаза, уши-лопухи, такой же курносый нос в веснушках. Даже одета в ту же одежду, что мальчишка на фото. Лишь выражение лица другое. В глазах испуг, рот приоткрыт. Кукла выглядела так, будто ее застукали за чем-то нехорошим.

Ничего не понимая, Макс покрутил куклу в руках. Когда он перевернул ее вверх ногами, из кармана Рыжего выпал какой-то предмет. Макс нагнулся. У ног лежал крошечный черный кубик с кнопкой, на которой переливался золотом непонятный знак, похожий на букву «О». Поставив куклу на стол, он осторожно дотронулся до кнопки пальцем, а потом чуть-чуть на нее надавил.

Кухню залила ослепительная вспышка белого света. Несколько секунд Макс ничего не видел, будто все предметы стали вдруг невидимыми. Когда зрение вернулось, куклы на столе не оказалось. Вместо нее у тарелки с Одуванчиковыми блинами стоял рыжий мальчишка.

Рыжий мальчишка, как две капли воды похожий на Тимофея Галкина.

Нет, этого не может быть, подумал Макс. Крепко зажмурившись, он начал вслух считать до десяти. Считал медленно, а во время длинных пауз между словами прислушивался к звукам на кухне. Звуков раздавалось немного, и были они самыми обыденными: тихое жужжание холодильника, тиканье часов, уличный шум, доносившийся из раскрытого окна.

Померещилось, решил Макс и после слова «десять» открыл глаза.

Рыжий пацан никуда не исчез. Молча и неподвижно он торчал в центре стола, не спуская с Макса взгляда. Видимо, ждал, когда Макс досчитает до конца.

На какой-то миг Макс вообразил, что существо на столе – никакой не живой мальчик. Это или еще одна кукла, изображающая Тимофея Галкина в натуральную величину. Или, что более вероятно, человекообразный робот, неведь как попавший сюда из Японии. Оставался вопрос, чем таким знаменит в Японии этот Галкин, что с него делают андроидов. Но Макс не стал сейчас заморачиваться над этим вопросом. Не до того.

От куклы, которую Макс только что крутил в руках, рыжий робот отличался выражением лица. Рот был закрыт. Вместо испуга на физиономии написано любопытство.

Робот кашлянул, сунул руки в карманы и привстал на цыпочки. И Макс с тревогой понял, что его теории не катят. Никакая это не портретная кукла. И не японский андроид. Этот шкет – настоящий Тимофей Галкин.

– Ты кто? – спросил шкет, глядя на Макса сверху вниз. – Внук старухи?

Глава четвертая. «Что ты ко мне привязался?»

– К-к-какой старухи? – с трудом выдавил из себя Макс.

– Ну, такой, с клюкой, – шкет неопределенно пошевелил пальцами.

Бабушек у Макса с Катей было две. Внуки называли их по имени. Ленусик, мамина мама, выйдя на пенсию, заявила, что бывших журналистов не бывает, и завела блог на сайте городской газеты. В нем она вспоминала случаи из своего пионерского детства и перепиралась с теми, кто в них не верил. Папина мама Карина преподавала математику в политехническом колледже. Когда наступали летние каникулы, она переселялась на дачу и начинала, по ее выражению, «вычислять интегралы» из того, что росло на земле, на кустах и деревьях. Осенью кладовую Ивановых заполняли десятки больших и маленьких банок с вкуснятиной. К огорчению Макса, соленые арбузы и моченый виноград заканчивались первыми.

Ни Ленусик, ни Карина ни капли не напоминали старух с клюками.

– Ты точно говоришь о моей бабушке? – спросил Макс.

Мальчишка не ответил. Он крутил головой, оглядывая кухню. Когда его глаза добрались до окна, на лице Тимофея Галкина, если это был, конечно, он, нарисовалось страшное удивление.

– Это что, парк? – ткнул он в окно пальцем.

– Парк, – пробурчал Макс.

– На улице Космонавтов?

– На Космонавтов.

– Тогда это точно не дом старухи, – констатировал пацан и впился взглядом в Макса. – А чей? Твой? А ты кто? И почему я стою на столе?

Макс разозлился.

Проводив сегодня в семь утра родителей, он плюхнулся в папино кожаное кресло, закинул ноги на подлокотник и составил в уме план дня. Впереди его ждали пятнадцать часов абсолютной свободы, поэтому план оказался длинным. Конечно, несколько пунктов пришлось отвести Кате. Максу предстояло накормить сестру завтраком, обедом и ужином, сводить ее в парк и в кино на мультик, почитать на ночь книжку. Зато остальные часы принадлежали лично ему. Жуть, сколько он собирался проверить за эти часы!

Поход к Серому за Тинтином в плане не числился. Но Макс не придавал этому значения. По сравнению со свободой, что ждала его впереди, операция по спасению улитки на серьезный сбой программы не тянула. Всего лишь небольшая заминка между завтраком и прогулкой в парк. Кто ж знал, что дальше все пойдет кувырком.

Замечательный летний день, так хорошо начавшийся с отъезда родителей, стал походить на любимые папины триллеры, в которых герой, не успев выкрутиться из одной неприятности, попадает в другую, еще худшую.

Мало того, что у Макса только что пропала сестра. Так теперь ему на голову свалилась еще ожившая кукла, которая топчет грязными слипонами чистый кухонный стол, смотрит на Макса сверху вниз и задает идиотские вопросы.

Конечно, не каждый день у тебя под носом оживают игрушки, которые раньше – до игрушечного состояния – были рыжими пацанами. В другое время Макс отдал бы, наверное, велик, чтобы вызнать у незваного гостя историю его загадочных превращений. Для сценария «Нечистой силы» хорошая фантастическая история очень даже пригодилась бы. Но сейчас ему не до чужих тайн. Он должен отыскать сестру, и Тимофей Галкин ему здорово мешал. Ведь если узнают, как он очутился у Ивановых на кухонном столе, Макса достанут вопросами. Заодно выяснится, что Катя исчезла, волонтеры бросятся на ее поиски, на весь город поднимется шум, и кто-нибудь обязательно растрезвонит все родителям.

Макс с ужасом представил, что тогда будет.

– Дом мой. Меня зовут Макс Иванов. Никакой старухи, кроме кассирши в зоопарке, я не знаю, – отчеканил он, решив, что чем быстрее ответит на вопросы шкета, тем быстрее от него отделается. – И, давай, сползай на пол. Я покажу, где у нас в квартире выход.

Выпроваживая Тимофея, который, видимо, даже не подозревал, что минуту назад был куклой, Макс надеялся выиграть время.

Пока пацан доберется до дома, пока его отругают и обслонявят родичи, пока выяснят, где он нашелся и двинут к Ивановым за объяснениями, пройдет часа два, а то и три. Макс верил, что за это время успеет как следует обшарить город и найти Катю. Главное – не ввязаться во что-нибудь, что отвлечет от цели.

Неожиданное превращение куклы в мальчишку было как раз такой помехой. У Макса чесались руки немедленно ее устранить. Он и вообразить не мог, что приключения, нависшие над ним из-за знакомства с Тимофеем Галкиным, еще даже не начались. А если бы заранее знал, что это будут за приключения, шementом спустил бы гостя с лестницы и закрылся дома на два оборота. Хотя тогда бы до конца жизни не простил себе этой детской трусости.

– Как я тут оказался? – голос Тимофея Галкина вернул Макса к реальности.

Шкет спрыгнул со стола. На кленке с бледно-зелеными огурцами остались следы грязных подошв. Мама была бы в шоке от такого безобразия.

– Скажи мне, как я оказался у тебя дома?

Мальчишка смотрел настороженно, будто ожидал, что сейчас ему откроется страшная тайна. Как бы в обморок не хлопнулся, когда услышит про свое куклячье состояние. Но Макс не собирался ему врать. Все равно правда рано или поздно вылезет.

– Катя принесла. С детской площадки.

– Катя? – хихикнул Галкин. – Она кто? Супермен? Взяла, запихнула под мышку и принесла?

– Представления не имею, – сердито ответил Макс. – Может, и под мышкой, я не видел. Хотя обычно она своих кукол за ноги таскает. Вниз головой.

– Не помню я никакой детской площадки, – заявил Тимофей, пропустив мимо ушей слова про кукол. – Твоя Катя, наверное, все выдумала. Что я там делал?

– Ничего не выдумала. Моя мама еще тебя от песка отряхивала. Ты, пока под скамейкой валялся, весь в песке изгваздался.

– Под какой скамейкой? – окончательно всполошился шкет. – Я лежал под скамейкой?!

– А что ты вообще помнишь? Как куклой был, помнишь?

Но Тимофей Галкин его не слышал. На экране телевизора, о котором Макс успел позабыть, вновь появилась дикторша со срочным сообщением.

По сравнению с первым, обновленное сообщение стало более коротким. Историю с пропадавшими маленькими девочками больше не вспоминали. Показали на две секунды плачущую бабушку и встревоженную маму, рассказали, что Тимофей пропал два дня назад, потом вывели его фото и не убирали довольно долго. Все это время внизу ползла красная строка с телефонами мамы Галкина, штаба волонтеров, которые уже вышли на поиски, и колл-центра МЧС.

Вытаращив глаза, Тимофей мрачно смотрел на себя под брызгами воды. Когда фото исчезло, он, по-прежнему не издавая ни звука, дослушал до конца все городские новости и лишь потом повернулся к Макс.

– Ни фига не понимаю, – воскликнул он. – Почему это меня не было два дня? Сегодня какой день недели?

– С утра была суббота.

Тимофей схватился за спинку стула.

– Ты, что, совсем ничего не помнишь? – удивился Макс.

– Ну, – замялся Галкин, – то, что происходило с утра в четверг, немного помню. А дальше – нет. Очнулся, вот, на твоём столе...

Макс заподозрил, что его гость что-то скрывает. Но тут старинные напольные часы в гостиной начали отбивать время. Макс насчитал девять ударов. Он заторопился.

– Тебе домой надо, – схватив Тимофея за плечо, Макс потянул его за собой в прихожку. – Бабушка, вон, плачет. Мама, наверное, тоже. И вообще весь город из-за тебя на ушах стоит. Хочешь, велик дам? Быстрее доберешься.

Но выпроводить Галкина оказалось непросто. Сделав несколько шагов, он вывернулся из руки Макса и вернулся на кухню.

– Расскажи, как я здесь оказался, – потребовал он, стукнув ладонью по столу. – Не уйду, пока не узнаю.

Макс встревожился. Пацан явно не в адеквате. Лучше сделать, что просит, может, тогда придет в себя и мирно удалится сам.

– Каждый день Катину группу детского сада водят на прогулку в наш парк, – начал Макс занудным голосом, каким читал сестре сказки.

Катю укладывали в кровать ровно в девять вечера. Сказки на ночь ей обычно читал папа. Но и Макс иногда доставалось. Постепенно он выяснил, что монотонное, без выражения чтение действует на сестру усыпляюще, и от обязанности «почитать ребенку» можно отделаться не за пятнадцать минут, а за пять.

Это свое открытие он решил применить к Тимофею. Заснуть тот, конечно, не заснет, но хотя бы успокоится.

– На детской площадке, – монотонно говорил Макс, – Катя сразу несется к пластиковому домику. Ей нравится сидеть там на скамейке, высовываясь в окошки. Они с подружками даже соревнуются: кто добежит первой и займет лучшее место. В четверг Катя опередила всех. И сразу увидела под скамейкой куклу с рыжими волосами.

– Когда это было? – вдруг заволновался Галкин. – После одиннадцати?

– Тебе как важно: с минутами и секундами или хватит одних минут? – съязвил Макс. И, увидев, что пацан обиделся, поспешно исправился. – Знаю я точное время, не переживай. Катины воспитатели считают, что в парке у детей нагуливается аппетит, поэтому водят их туда перед обедом, между двенадцатью и часом. Детский сад от нас недалеко, значит, на площадку они пришагали примерно в двадцать минут первого.

– Продолжай, – нервно потребовал Тимофей.

Плюнув на попытки утихомирить гостя, Макс продолжил повествование уже нормальным тоном. Рассказал, опуская детали, как в четверг Катя принесла находку домой, назвала Рыжим и познакомила со своими игрушками. И как два дня спустя сам Макс совершенно случайно узнал по телеку об исчезновении Тимофея Галкина и увидел его фотографию.

Насупившись, Галкин молча выслушал, как потрясло Макса сходство Рыжего и мальчишки на фото. Ни слова не проронил, услышав, как его крутили перед телевизором. Зато, когда Макс сообщил, что из кармана куклы выпал черный кубик с кнопкой, зрачки Тимофея расширились до размера блюдца из Катиного кукольного чайного сервиза. Шкета затрясло.

– Что было дальше? – спросил он таким тоном, что Макс перепугался. Похоже, от его рассказа у Галкина вот-вот сорвет крышу.

– Не психуй ты так, – осторожно произнес Макс. – Все же кончилось хорошо. Я нагнулся и нажал на кнопку. Чуть-чуть. Можно сказать, еле коснулся. Вспыхнул свет, яркий, будто молния. Несколько секунд я ничего не видел. А потом смотрю – ты стоишь...

Он замолчал, не зная, что сказать еще. Галкин молчал тоже. Лицо его постепенно разгладилось. Станный он какой-то, думал Макс. Когда услышал о кнопке, чуть с колес не слетел. А теперь спокоен, как ленивец из «Зверополиса». Даже, вроде, радуется чему-то.

– Значит, я был куклой, Катя нашла меня в парке, в домике на детской площадке, а ты меня оживил, – медленно, будто обдумывая каждое слово, произнес Тимофей. – Катя – твоя сестра?

– Да, – кивнул Макс.

– Ей сколько?

– Шесть.

– А тебе?

– Тринадцать.

– Кати сейчас нет дома? И родителей нет? Ты здесь один?

– Что ты ко мне привязался? – снова разозлился Макс. – Задолбал вопросами. Ожил? Ноги-руки целы? Все узнал? Ну и топай домой. У меня и без тебя проблем выше крыши.

Галкин смутился.

– Я хотел твоей сестренке спасибо сказать. За то, что нашла.

– Не она, так кто другой нашел бы, – отрезал Макс и тут же устыдился своей грубости. – Передам я Кате твое спасибо. Как отыщу ее, сразу и передам.

– Не понял, – сказал Галкин. – Она, что, тоже пропала? Как я?

– Совсем не как ты. Ты два дня назад исчез. А Катя ушла из дома сегодня утром.

– Ушла в парк?

Веснушки на носу Галкина побледнели. Макс показалось, что исчезновение Кати взволновало ожившую куклу не меньше, чем собственные приключения.

И Макс сдался.

Ему давно уже хотелось поделиться с кем-нибудь своим горем. Но нельзя было сообщать об исчезновении Кати абы кому. Серый мог проболтаться родителям, а те сразу же позвонили бы Ивановым-старшим. О том, как разверещался бы Одуванчик, Макс даже думать не хотел. Зато незнакомому Тимофею Галкину можно было рассказать все.

Подперев плечом холодильник, Макс объяснил, что родители до вечера уехали по делам, взяв с него слово не оставлять сестру одну. Он, конечно, не собирался нарушать обещание, просто так получилось.

Макс переступил с ноги на ногу.

Пока его не было дома, сестра ушла. Он оббегал все места, куда она могла пойти, но пока ее не нашел.

Макс шмыгнул носом и убитым голосом проинформировал Галкина, что Катю непременно нужно отыскать до возвращения родителей, иначе мама немедленно сойдет с ума.

На последних словах он закашлялся. А когда откашлялся, Тимофей пристал к нему с абсолютно дурацкими вопросами. Почему-то его очень интересовало, как Катя выглядит.

Макс достал сотовый.

На фото сестренка заливалась смехом. Галкин долго рассматривал растянутый, как у лягушки, рот, светлые кудряшки, большие серые глаза.

– Кажется, я догадываюсь, что могло случиться, – произнес он, наконец, важным тоном. – Не совсем уверен, но могу попробовать помочь.

Он сморщил нос.

Макс сунул руки в карманы. Побоялся, что схватит гостя за грудки, чтобы быстрее вытряхнуть из него инфу. А на тряску шкет может обидеться и ничего больше не скажет. Надо дать ему еще пару минут, раз он так любит задумываться.

Размышления Галкина уложились в минуту.

– Ты хоть примерно представляешь, где искать Катю? – спросил он, шевельнув веснушками.

Макс отрицательно помотал головой. Рыжий превращенец был для него сейчас единственной соломинкой.

– Тогда сначала мы должны успокоить мамусю.

Глава пятая. Как успокоить мамусю

– Успокоить мамусю? – не понял Макс. – Твою маму, что ли?

– Ну да, – ответил Галкин. – Она же не знает, что я нашелся.

– В чем проблема? Позвони, скажи, все в порядке.

– Она спросит, где я был. Что не у друзей на даче, она уже знает.

– Сочини что-нибудь другое.

– У нее нюх на вранье. Нужно придумать что-то очень-очень правдоподобное. Со свидетелями. Ты хорошо на свидетеля подойдешь. Расскажем ей что-нибудь вместе. Главное – в деталях не путаться. Иначе она не успокоится. А не успокоится, устроит нам допрос с пристрастием.

– С пристрастием? – потрясенно повторил Макс.

Его воображение нарисовало огромное заброшенное помещение. Бетонный пол, высокие бетонные стены без окон. Ни стола, ни шкафа. Лишь в центре, в пятне желтого света от грязной, ничем не прикрытой лампочки стоит стул без спинки. Железная кривоногая табуретка, приваренная к полу. На ней Макс. Рот заклеен скотчем. Руки связаны за спиной, ноги смотаны так, что не пошевелишься. Над ним, сложив на груди руки, высится рыжеволосая женщина, очень похожая на Тимофея.

Макс тряхнул головой, отгоняя видение. Он же видел Тимофееву мамусю по телеку. Ничего свирепого в ней нет. Понятно, что она в трансе, все-таки сын пропал. Но чтобы допрашивать кого-то с пристрастием...

Макс выдохнул и переспросил уже более спокойно:

– Как это, с пристрастием? Свяжет веревками?

– Они ей не нужны, – заржал Галкин. – Она и без них все вытрясет. Посадит перед собой на диван и начнет расспрашивать. Про одно и то же раз сто. Не выпустит из комнаты, пока не расколется.

– Меня-то что допрашивать, – недовольно пробормотал Макс. – Я же ничего не знаю.

– Мамусе так не покажется. Меня два дня не было? Не было. И где я нашелся? У тебя дома. Мамуся решит, что это ты меня похитил. – На этих словах Тимофей Галкин оценивающе оглядел Макса и поправился: – Ну, если не ты, то твои родители...

В голове у Макса кто-то вдарил в медный таз стальным половником. Перед глазами вновь возник бетонный бункер. Только на этот раз под тусклой лампой вместо колченого табурета стоит диван. Желтый, как у Ивановых в гостиной. На диване трое. Посередине Макс, слева мама, справа папа, мама держит сына за руку. Их ноги связаны, рты заклеены. Мама что-то мычит. Макс догадывается: она в ужасе спрашивает, что происходит. «Они ни о чем не знают! – кричит Макс сквозь скотч. – Отпустите их, я все скажу».

– Я... я расскажу твоей мамусе, как все было... – неуверенно протянул он.

– И что ты расскажешь? – скептически ухмыльнулся Галкин. – Что я был куклой и лежал на песочке под скамейкой? Что меня нашла маленькая девочка, принесла домой, а потом ее старший брат нажал какую-то непонятную кнопку и я ожил? Да моя мамуся ни в жизнь в это не поверит...

– А вдруг поверит...

– А если поверит, то переполошит весь город. Всех на ноги поднимет. Полицию, прокуратуру, врачей, МЧС, газеты... Она такая, – с гордостью сказал Тимофей Галкин, – о-о-очень энергичная. Все будут бегать, как подорванные, и задавать вопросы. Ты хочешь, чтобы к тебе с вопросами ломился весь город?

В голове у Макса снова вдарили в медный таз.

– Нет, – помотал он головой.

– Значит, что надо сделать?

– Что? – тупо повторил Макс и тут же выругал себя за то, что как самый дебильный попугай повторяет за Галкиным каждое слово.

– Надо позвать Лизку. И организовать съемку приема пищи.

Бум, бум, бум, раздухарился в черепе придурок с медным тазом. Какая еще нафиг Лизка? Зачем снимать, как кто-то ест?

Макс нервно вздохнул.

Тимофей Галкин явно тянул время.

Зачем?

Одно из двух. Нет – из трех.

Его гость реально хочет помочь, но не знает, как. Решил, что отгадал тайну исчезновения Кати, убедил в этом Макса, а теперь не может признаться, что все выдумал. Вот и сочиняет отговорки. Лизку ему теперь подавай и съемку пищи, а то без них ничего не получится. Ну просто никак.

Вторая версия на правду походила мало. Зато Максу нравилась больше двух других.

Тимофей Галкин – пришелец.

В семье Ивановых в пришельцев не верил никто. Даже Катя. Но верить хотели очень. Это совершенно случайно выяснилось на одной из семейных «завиральных сходов».

Пару раз за лето все Ивановы собирались за круглым деревянным столом под яблонями на даче Карины, пили чай с вареньем и рассказывали фантастические истории. Каждый свою. Истории готовились заранее. Полет фантазии ничем не ограничивался. Но одно правило соблюдалось свято: в основе выдумки должен лежать факт из реального мира. Современного мира, прошлого или будущего. Например, такого будущего, где на Марс летают школьные экскурсии.

За столом не было ни младших, ни старших, ни детей, ни мам. Все были равны, любое высказывание выслушивалось и обсуждалось с уважением. Так и обнаружилось, что хотя Ивановы в пришельцев не верят, тем не менее ждут их с нетерпением.

У каждого оказались на то свои причины.

Ленусик и Карина, несмотря на возраст, оставались неисправимыми романтиками. А увидеть пришельцев на склоне лет – это так романтично!

Папа надеялся, что с инопланетянским кораблем на землю прилетят невиданные технологии. Типа машины времени, туннелей сквозь земной шар и Интернета на ладони.

Мама надеялась, что с появлением пришельцев люди начнут больше мечтать и больше верить в свои силы.

Для Макса прилет пришельцев решил бы сложнейшую проблему. Он, конечно, собирался стать программистом, но при мыслях об астронавтах у него в животе что-то завистливо екало. С пришельцами он успеет и то, и другое. Слетает с ними на Марс, поучаствует в строительстве станции для землян, а вернувшись домой, разработает убойную компьютерную игру, основанную на собственном опыте.

И только Катя ждала пришельцев не из меркантильных соображений, а лишь потому, что очень любила волшебные сказки.

То, что Тимофей Галкин был инопланетянином, хорошо объясняло, откуда взялась рыжая кукла. Его летающая тарелка потерпела крушение недалеко от города, и он, чтобы выжить в незнакомом мире, принял облик земного мальчика. Загадкой было, зачем он потом превратил себя в куклу и куда дел настоящего Галкина. Последнюю мысль Макс старательно от себя отгонял. Но не сомневался, что пришелец, которому позарез требуется починить летающую посудину, со временем расколется и все объяснит.

Окончательно поверить во вторую версию мешало одно: Тимофей абсолютно искренне удивился, когда услышал про себя по телевизору.

Оставалась версия третья, самая простая. Неся бред, Галкин вовсе не тратит время. У него просто потекла крыша. Видимо, превращения в куклу и обратно плохо сказываются на психике одиннадцатилетних мальчиков.

Зря я сразу не выставил его за дверь, жалел Макс. И что теперь делать? Выволакивать силой? А вдруг он упираться начнет, за косяки цепляться, в прихожей вазу разобьет. Вот если бы его удалось как-нибудь выманить из квартиры, то можно было бы быстро заскочить обратно и запереться. Тут Макс вспомнил, что ему все равно придется выйти, чтобы найти сестру, и застонал, как от зубной боли.

– Лизка у нас лучше всех с мамусей справляется, – врезался в мысли Макса голос Галкина. – План такой. Ты сейчас со своего телефона позвонишь Лизке и позовешь ее сюда. Когда она придет, мы сфотографируем меня за едой и отошлем фотки мамусе. Тебя, наверное, тоже сфотографируем. Лучше получится, если мы с тобой будем сидеть рядом, что-то есть и весело смеяться. А Лизка...

Наверное, тот, кто бил в голову Макса в медный таз, был таким же энергичным, как мамуся Тимофея Галкина. Чтобы утихомирить обладателя половника, Макс покачал головой. Может, психи заразные? Может, у него тоже уже крыша поехала? Макс ущипнул себя за руку. Было больно.

– Эй, ты чего? – спросил Галкин. – Ты, что, меня не слышишь? Я говорил...

Макс разозлился окончательно. Можно даже сказать – совсем слетел с катушек. Хорошо, родители были далеко. А то бы ни за что не признали во взъерошенном, размахивающем руками и подпрыгивающем свирепом существе своего воспитанного, миролюбивого, немного застенчивого сына.

– Да слышал я, что ты говорил! – орал Макс. – Все слышал! Про мамусю! Про какую-то Лизку, которая зачем-то должна ко мне приехать. Про то, что нужно организовать съемку какого-то приема какой-то пищи, иначе мамуся не успокоится. Ты, что, псих? И план твой бредовый! У меня тоже есть план! Очень простой! Сейчас ты выматываешься из моей квартиры и больше ко мне не лезешь. Мне сестру искать надо, а ты мешаешься! Вон, весь стол испачкал!

На этих словах Тимофей, до сих пор внимательно слушавший крики Макса, повернулся и посмотрел на стол. Увидев следы от своих подошв, он засмутился и пробормотал, что все уберет. Схватив кухонное полотенце, он стал так старательно тереть клеенку, что стоявшая на столе тарелка с блинами Одуванчика подпрыгивала и звенела крышкой. Галкин возился молча. Молчал и Макс. И чем дольше молчал, тем больше успокаивался.

– Ладно, хватит, а то дыру протрешь, – сказал он наконец. – Хватит. Все. Иди домой.

Но мальчишка уходить не собирался. Отскоблив последнее пятно, он покрутил головой, ища, куда бы припрятать изгвазданное полотенце, пхнул его в узкую щель между холодильником и стеной и повернулся к Макс.

– Ты не бойся, найдем мы твою сестру, – сказал он уверенно. – Сходим кое-куда и найдем. Или там нам скажут, где она. Это я точно знаю. Но сначала нужно уговорить мамусю не сажать меня под домашний арест. Тут без Лизки, моей старшей сестры, не обойтись. Она, конечно, тризэ, но, если согласится нам помочь, все будет высший класс.

Стоп, сказал себе Макс. Водиться с Галкиным дальше опасно для здоровья. Макс еще готов был выдержать допрос, который устроила бы ему свирепая мамуся. Но он абсолютно не понимал, зачем фотографировать жующего Тимофея да еще смеяться при этом. Незнакомая Лизка, которую брат называл жутковатым словом «тризэ», казалась уже совершенным монстром.

Монстры Макс были сейчас ни к чему.

– Давай так, – вежливо попросил он. – Ты рассказываешь мне, куда идти и у кого про Катю спрашивать. Дальше я как-нибудь сам. Зачем беспокоить твою сестру. Она, может, делом каким занята.

– Что, испугался? – хихикнул Галкин. – Не знаешь, что такое тризэ? Это я такое прозвище Лизке придумал. Заноза, зануда, знайка – три буквы зэ. Есть еще четвертое зэ – задира. Но тризэ лучше звучит.

– С «тризэ» я уяснил. Говори, куда идти.

– Сам ты ничего не сделаешь, даже если я тебе подробно все объясню. На Виноградской все непросто. Старуха тебе ни слова не скажет. Только время зря потеряешь.

– Понятно, – сквозь зубы произнес Макс, отчаянно борясь с желанием, вцепиться в гостя и выволочь его из квартиры.

– Не волнуйся, мы быстро все провернем. Пока мамуся не успокоится, мне нельзя из дома выходить. По улицам наверняка уже рыщут толпы с моими фотками. Если меня поймут, я тебе помочь не смогу.

– Сам справлюсь, – проворчал Макс. – Думаешь, я уши развесил, потому что деваться некуда?

И тоскливо подумал, что, в принципе, так и есть.

– Как только мамуся убедится, что я жив, здоров и хорошо поел, она успокоится, и мы будем свободны, – сказал Галкин. – Еду, кстати, тоже нужно будет сфоткать. Крупно, чтобы мамуся увидела, что я вредного не употребляю.

– Ведешь здоровый образ жизни? – съехидничал Макс. – Чипсы не ешь, «пепси» выливаешь в цветочный горшок. Имей в виду, тертой морковки у меня нет.

– Я, по-твоему, кролик? – обиделся Галкин. – Съем, что дашь. Главное – красиво это сфоткать.

– Сфоткаем, – обреченно вздохнул Макс и покосился на холодильник.

Хотя в этот момент ему больше всего на свете хотелось превратить Тимофея обратно в куклу и запихнуть поглубже на полку в Катиной комнате.

Глава шестая. Фотосессия с блинчиками

Реализация плана по успокоению Тимофеевой мамуси началась с жаркого спора. Макс ни в какую не соглашался звонить Лизке.

Когда Галкин, напустив на себя таинственности, стал уверять, что, возможно, догадывается, где Катя, в Максе вспыхнула безумная надежда. Ради Кати он готов бы вытерпеть хоть сто допросов в бетонном бункере и двести съемок поглощения пищи. Но он боялся, что против монстра на четыре буквы «зэ» долго не продержится. Заноза, зануда, знайка и задира в одном лице – это было по-настоящему опасно.

Единственной девочкой, общение с которой легко ему давалось, была Катя. Как только она научилась ходить и самостоятельно подниматься после падения, родители закрепили за Максом обязанность выгуливать ее в парке по субботам. Наигравшись в песочнице, накатавшись с горки, Катя устраивалась под боком у брата и заваливала его вопросами. Сначала вопросы были на уровне дауна, и он нес любую чушь, лишь бы быстрее отделаться. Но к тому времени, как Катя вышла из ясельного возраста, он постепенно приучился отвечать основательно и даже, если чего-то не знал, искал ответ в Интернете. Ивановы-старшие, посмеиваясь, называли его ВикиМакс. Еще веселее стало, когда Катины друзья сообразили, что ее старшему брату известно все. «Матвей Ушастиков спрашивает, почему у ящерицы хвост отрастает, а у собаки нет?» – так теперь начиналось вечернее общение сестры и брата. Ну, и конечно, они обязательно обсуждали все детсадовские новости.

С одноклассниками Макс заговаривал только по железной необходимости, то есть только по учебе. Девочки постарше вообще казались ему непонятными и страшными, как хвостатые синие дылды из фильма «Аватар». После первого же взгляда на них внутри что-то начинало скручиваться, а голова сама отворачивалась в противоположную сторону.

Старшая сестра гиперактивного Тимофея Галкина и дочь энергичной мамуси наверняка была такой же дылдой, только рыжей и с темпераментом Бешеной Белки из «Ледникового периода». Она враз построит и Макса, и своего младшего брата. Строиться Макс не желал.

Но Тимофеем Галкиным уметь убеждать.

Поелозив пальцем по экрану своего сотового, он сообщил, что аккумулятор не разрядился и деньги есть. «Я, конечно, могу позвонить Лизке сам, – продолжил Тимофей вкрадчивым голосом. – Но знаешь, что случится, когда она меня услышит?»

Макс не знал.

– Она заорет: «Тимоша, это ты?! Ты живой?! Ты где?» Ее вопли донесутся до мамуси, мамуся выхватит трубку, и все, нашему плану хана.

«Может, это будет не так и плохо», – подумал Макс, но вслух ничего не сказал.

– А если со своего телефона позвонишь ты, то Лизка орать не будет. Главное, не дать ей сразу отключиться. Ей вечно звонят разные мальчишки, и незнакомые звонки она сбрасывает на раз. Ты будешь звонить до тех пор, пока не ответит. А как ответит, ее сразу нужно будет заинтриговать.

«Ничего себе», – подумал Макс, но снова промолчал.

– Она обожает тайны. Ты скажешь, что у тебя есть для нее тайное послание...

Максу поплохело. Тайнами он и так уже был сыт по горло.

– ...тайное послание от ее младшего брата, то есть от меня. Главное, сразу предупреди: это такая страшная тайна, что, если она хочет ее узнать, о ней никому нельзя говорить. Особенно мамусе.

Галкин замолчал. Вытянув вперед нижнюю губу, он опять на чем-то заикнулся.

– И что я скажу, если она спросит, что это за послание? – Макс дернул Тимофея за рукав, чтобы вывести из задумчивости.

– Ничего, – очнулся Галкин. – Говорить буду я.

Макс набрал на сотовом цифры, которые продиктовал ему Тимофей, и остановился. Его совсем не тянуло вступать в переговоры с монструозной тризэ.

– Ты Лизки не бойся, – Галкин, видимо, догадался, почему Макс тормозит. – Она классная девчонка. И веселая. Поприкалывается сначала, а потом вы с ней еще подружитесь.

«Всю жизнь мечтал», – подумал Макс.

Но тянуть дальше было некуда.

Услышав «Прокуратура. Я вас слушаю!», произнесенное бодрым девчачьим голосом, Макс растерялся так, что забыл все, что хотел сказать.

– Говорите – вам помогут, – настойчиво повторил голос.

Макс кашлянул, прижал плотнее телефон к уху и протянул:

– Э–э–э–э...

– Что–что? – спросил голос. – Вы в порядке? May I help you? Do you speak Russian?

Галкин больно ткнул Макса в бок.

– Э–э–э–э, – еще раз выдавил из себя Макс самым вежливым тоном, на какой был способен. Потом закрыл глаза и словно нырнул с моста головой вниз.

– Здравствуйте! Вы Елизавета Галкина? У меня для вас тайное послание от вашего брата Тимофея...

– От Тимоши?! – заверещала труба. – Что с ним?! Он жив? Он где?

Елизавета Галкина кричала так громко, что ее услышал брат. Подскочив к Макс, он вырвал у него сотовый.

– Лиза, Лизонька, Лизунчик, – успокоительно забубнил Тимофей. – Скажи мамусе, что со мной все в порядке. Да, я жив и здоров. Не понимаю, чего вы устроили такой тарарам. Это ты виновата в том, что меня ищут. Я же говорил тебе, что поживу у Макса. Ты просто об этом забыла. У какого Макса? У Иванова. Память у тебя плохая! Была б хорошая, мамуся сейчас бы не волновалась. Ну и что, что не говорил! А ты скажи – говорил. А я тебе такое расскажу...

Тут переговоры брата с сестрой закончились, так как Лизкины крики привлекли внимание мамуси.

По требованию мамуси Тимофей включил видео и громкую связь, и Макс быстро почувствовал, что значит допрос с пристрастием.

– Ты цел? – первым делом строго спросила мамуся, увидев сына. – Покажи руки.

– Я цел, – сердито заявил Тимофей, демонстрируя, что на руках нет ссадин. – Ни с кем не дрался, на заборах не висел, вел себя хорошо. Ну, почти...

– Я сейчас за тобой приеду или пришлю машину.

– Не надо машины, – взмолился Галкин. – Все же в порядке. Сам приду.

Голос мамуси смягчился.

– Познакомь меня со своим другом. Я правильно поняла: ты провел у него два дня?

– Здравсте, – сказал Макс дребезжащим голосом. – Я Макс Иванов.

– Приятно познакомиться, – сказала рыжеволосая женщина с зелеными, как у сына, глазами. Голос ее звучал довольно дружелюбно. – А я мама этого балбеса, который всех насмерть перепугал. Ну, давайте, рассказывайте, как жили с четверга до субботы.

Еще до звонка тризэ Тимофей и Макс обговорили детали своей вымышленной жизни на квартире Ивановых.

– Мамуся может спросить о чем угодно, – инструктировал Галкин. – О кашах, которые ели на завтрак, о том, куда мы ходили и где я спал ночью. Даже о том, какого цвета плед, который ты дал мне, чтобы я не замерз.

Тимофей знал, что говорит.

Маму Галкина интересовало все, особенно подробности. Вопросы она задавала быстро и часто совершенно неожиданные. Мальчики рассказали ей, чем занимались, что ели и смотрели по телевизору, как выглядит гигантская африканская улитка и где сейчас Ивановы-старшие. Потом повторили рассказ, но уже в другом порядке.

Макс так боялся ошибиться в деталях, что быстро взмок. Еще ему было ужасно стыдно обманывать незнакомую женщину. Но в самые критические минуты он напоминал себе, каким образом на его столе появился Тимофей и что случится, если это сейчас откроется. Голос совести умолкал.

Самым страшным в допросе оказалось то, что, задавая вопросы и пристально вглядываясь в лицо сына и его новоиспеченного друга, мамуся дружелюбно улыбалась. «Какая-то изощренная китайская пытка, – думал Макс, изо всех сил стараясь улыбаться в ответ. – Держится так, будто наши ответы ей совсем неинтересны. Просто захотелось с нами немного поболтать».

Когда допрос пошел на третий круг, Макс вспотел и попросился попить воды.

Вернувшись, он обнаружил, что все закончилось.

– Тимоша, я знаю, что ты и твой друг мне сейчас напропалую врете, – заявила мамуся, улыбаясь даже шире, чем раньше. – Надеюсь, у тебя есть на это очень серьезные причины. Вечером посвятишь меня в свои тайны?

– Как получится, – Тимофей пожал плечами. – У меня до вечера еще много дел.

– То есть тайн станет больше. Ну, хорошо. Помощь нужна?

– Пока нет. Только скажи всем, что я нашелся. Чтобы больше не беспокоились.

– Это я сделаю. А ты не вздумай снова пропадать. Звони, если что. И обязательно хорошо поешь. Я сейчас пришлю к вам Елизавету, она поможет. Ну, Макс, приятно было познакомиться. Заходи к нам в гости, поболтаем.

Мамуся насмешливо ухмыльнулась, почти как Тимофей, помахала рукой и отключилась.

Во все время допроса сестра Тимофея громко рыдала на заднем плане, демонстрируя полное раскаяние в своей забывчивости. Но когда, через минуту, она позвонила Макс, в ее голосе от слез не осталось и следа. Продиктовав Лизе адрес, мальчишки полезли в холодильник. Тут Макс узнал, что Рыжий, несмотря на все его заверения, – жуткая привереда.

Он последовательно отверг борщ («мамуся знает, что я его не ем»), фаршированные кабачки (по той же причине) и жареную камбалу («противно пахнет»). Отказался от яичницы с сосисками, помидоров с сосисками, чая с сосисками и просто от сосисок с хлебом. Макс уже почти не сомневался: прием пищи накрылся медным тазом. Но тут взгляд Галкина привлекла тарелка с синей крышкой. Увидев блинчики, он радостно схватил один, свернул треугольником и сразу откусил угол.

В дверь позвонили, когда Тимофей корчил Макс, рожи через выкушенное отверстие. «Лизка приехала», – пробормотал Галкин с набитым ртом. Мальчишки бросились в прихожую. На лестничной площадке раздавались голоса, и в дверь снова позвонили, более настойчиво. Макс открыл замок и увидел перед собой Одуванчика.

– Пришел узнать, как у тебя дела, – сказал Кочепаскин. – О, смотрю, у тебя гость? Кто это? Твой друг? – Одуванчик медленно оглядел Галкина с головы до пят. – Почему-то, молодой человек, вы кажетесь мне знакомым. Мы раньше с вами встречались?

– Ни разу, – пробормотал Тимофей.

– А это, случайно, не ваша сестренка? Очень, очень на вас похожа.

Одуванчик повернулся, и Макс увидел, что за его спиной стоит худенькая девчонка в красных клетчатых шортах, полосатой футболке и таких же, как у Тимофея, слипонах. Рыжие, как у брата, волосы были завязаны в конский хвост. На курносом, усеянном веснушками носу громоздились большие солнечные очки в белой оправе. Вид у девчонки был совершенно без-

вредный. Однако Макс держался настороже. Если рыжая заноза по телефону так издевается, что ждать от нее живьем?

– Ну да, это моя сестра Лизка, – засмеялся Галкин. – Пойдем, Лизка, сейчас будем есть и фотографироваться.

– Не буду мешать, – сказал Одуванчик, но с места не сдвинулся. – А что Катенька, нашлась? – обратился он к Максусу.

– Конечно, нашлась, – Макс старательно излучал беззаботность. – В парке. Мы покатались на карусели, купили воздушных шаров, а потом я отвел ее к подружке из соседнего двора. У них там большой день варенья. Позже мы за ней ходим.

– Ах, молодежь, молодежь! Как у вас все легко и просто, – вздохнул Одуванчик и снова ощупал Галкина взглядом. – Ну, если вдруг возникнут проблемы, зовите меня. Старика тоже иногда на что-нибудь годятся.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Тимофей и потянул сестру за руку. – Мы как-нибудь сами.

– В таком случае – желаю удачи, – Кочепаскин церемонно поклонился и вдруг схватил Макса за плечо.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – спросил он.

Сердце Макса запрыгало, как детский мячик по асфальту. Кочепаскин смотрел так, будто подозревал, что Катя все-таки не нашлась.

– Извините, дяденька, – вмешался Галкин. Он уже втолкнул сестру в квартиру и теперь взялся за освобождение Макса, втискиваясь между ним и Кочепаскиным. – Нам сейчас очень некогда. Приходите завтра.

Закрыв дверь, Макс посмотрел в глазок. Одуванчик все еще стоял на лестничной площадке, и вид у него был задумчивый. Но мальчик тут же забыл о нем, потому что на кухне брат и сестра уже готовились к фотосессии.

Нацепив фартук, Елизавета Галкина быстро расставила по столу тарелки, разложила вилки и ножи, достала из холодильника сметану и варенье. В центр рыжая заноза поставила вазочку с большим букетом. Макс не сразу понял, что это любимая мамина герань, которая недавно зацвела на балконе.

Пока брат с сестрой спорили, на чей телефон снимать, Макс принес палку для селфи. Фотографий сделали одиннадцать.

Пять – с Тимофеем.

На первой он ел блинчики со сметаной. На второй – с вареньем. На третьей – мыл посуду. На четвертой – нюхал герань. На пятой – глядел из окна на парк.

Еще шесть фоток были смешанными: Тимофей и Макс, Тимофей и Лиза, Лиза и Макс, вся троица у холодильника, все на диване, все в кабинете Иванова-старшего на фоне дипломов и кубков.

Между седьмой и восьмой фотографией по телеку сообщили, что Тимофей Галкин благополучно нашелся у друга. Потом ведущая предоставила слово маме Галкиных. Опустив головы, брат и сестра выслушали, как мамуся благодарит всех, кто принял близко к сердцу судьбу ее сына и извиняется за доставленное беспокойство.

Когда фотографии были скинуты мамусе и получили ее одобрение, Лиза сняла фартук, поправила на носу очки и уставилась на брата. Чувствовалось, что за темными стеклами ее глаза горят нетерпением.

– Да ладно тебе, Лизка. Обещал рассказать, значит, расскажу, – огрызнулся тот. – Вы только сядьте на что-нибудь покрепче.

Глава седьмая. Двадцать тысяч зубов ахатины

Местом для потрясающего сообщения выбрали гостиную.

Лиза и Макс устроились на диване. Лиза – с удобствами, вытянув ноги и обложившись со всех сторон подушками. Макс – вжавшись в угол и выгнув колени так, чтобы не коснуться ненароком гостыи. Пока они ерзали, Тимофей стоял перед ними, мрачно вглядываясь в безмятежную физиономию сестры.

Макс не понимал, в чем проблема. Он почти привык к тому, что Галкин то и дело задумывается, а потом выдает какую-нибудь безумную идею. В этом случае нужно было просто потерпеть минуту, пока Галкин дозревал. Но сейчас Тимофею, похоже, было не до новых идей. Его явно беспокоила Лиза.

Огромный старинный хронометр в деревянном корпусе, стоявший у стены со стороны Лизы, начал вызванивать середину часа. К удовольствию Макса, рыжая заноза при первом же громком «бим-бим-бом» взвилась со своего места, повалив подушки на пол. «Не дергайся, – насмешливо произнес он, – это всего-навсего большой будильник». Он взглянул на резные бронзовые стрелки. Десять тридцать. До возвращения родителей осталось одиннадцать с половиной часов. Вообще-то куча времени. Но он все равно заспешил.

– Ну, давай, – поторопил он Тимофея. – Время уходит.

– Подожди, – сказал Тимофей, по-прежнему сверля сестру взглядом. – Пусть Лизка сначала поклянется, что никому не проболтается.

– Клянусь, – быстро произнесла Лиза.

– Нет, так не пойдет, – возразил Тимофей. – Я тебя знаю. Сегодня же растрезвонишь все в Интернете. Не хватает еще спугнуть твоим трепом старуху. Клянись по-настоящему. Руки покажи, чтобы я видел, что ты не скрещиваешь пальцы.

– Какие мы недоверчивые, – захихикала Лиза, но сделала, как просил брат. Вытянув руки и растопырив пальцы, она скороговоркой произнесла клятву. Часть слов Макс не разобрал, но от тех, что разобрал, у него по спине побежали мурашки. Если Лиза проболтается, ей придется после смерти вечно скитаться по кладбищу в образе гнилого зомби, наводя ужас на бомжей и бродячих собак.

Тимофей покивал головой в знак согласия, открыл рот, закрыл и снова задумался. Не выдержав, Макс вскочил с дивана.

– Если ты сейчас же не начнешь говорить, я тебя стукну, – зашипел он. – И твоя сестра тебе не поможет.

– Да не буду я за него заступаться, – сердито сказала Лиза. – Мне тоже надоело ждать, когда он начнет свои сказки. Старуху какую-то приплел.

– Видишь! Видишь! – завопил Тимофей, отступая на всякий случай за кресло. – Если я расскажу, что со мной случилось, ты мневеришь, так как знаешь, кем я был. А Лизка не поверит. Скажет, я все придумал.

– Ну ты же у нас известный любитель фантастических историй, – хмыкнула Лиза. – Не зря тебе мамуся в детстве фэнтези читала.

«Оригинальная у них мамуся», – подумал Макс.

– Понимаешь, – сдвинув очки на макушку, Лиза уставилась на Макса зелеными глазами, – Тимоша в младенчестве очень любил волшебные сказки. Стихи терпеть не мог, даже книжки рвал. Волки с козлятами его не цепляли. Вот мамуся и приспособилась. Брала «Гарри Поттера» и пересказывала своими словами. Одну главу растягивала на несколько вечеров. Прикольно получалось.

– Ты не можешь этого помнить, ты всего на два года меня старше, – проворчал Тимофей. – Мамуся говорит, ты тоже любила слушать, только засыпала быстро.

– Зато сейчас Тимоша сам сочиняет покруче любого писателя. Его любимый жанр – детектив. Друзья прозвали его «наш Шерлок». Неужели он еще не потряс тебя какой-нибудь загадкой?

«Еще как потряс, – вспомнил Макс. – Когда превратился из куклы в пацана».

– Лизка, – снова взвопил Тимофей. – Ты хочешь узнать, что со мной случилось, или будешь трепаться до вечера?

– Молчу, молчу, – Лиза прихлопнула рот ладонями.

Из-под ладоней донеслось сдавленное «бу-бу-бу» и «гры-гры-гры». Тимофей не стал выяснять, что это означает, сел на диван и посмотрел на Макса.

– Раз Лизка мне не верит, давай, сначала ты расскажешь ей, как мы познакомились.

– Ладно, – немедленно согласилась Галкина нормальным голосом. – Макс – начинай!

Она поджала под себя ноги, сунула за спину еще одну подушку и поправила на макушке стрекозиные очки.

Макс растерялся. Он мигом вспомнил Рыжего на кухонном столе, ослепительную вспышку, следы от подошв на клеенке и решил, что в этот бред Тимофеева сестра уж точно не поверит.

– Ты меня боишься? – спросила Лиза. Зеленые глаза смеялись. – Не бойся, я тебя не съем.

Это было слишком. Чтобы Макс боялся какой-то незнакомой девчонки? Чтобы эта длинноногая коза над ним надсмехалась? «Ну, держись, – рассвирепел он, – сейчас я тебе покажу, кто тут настоящий зомби!»

Он сунул руки в карманы и покачался с пятки на носок, глядя на Лизу сверху вниз. В груди поднимался особый жар.

Учитель истории как-то сказал, что в Максе временами прорезается Цицерон. И задумчиво добавил: «А если потренируешься, то и до Демосфена дотянешь». Цицероном звали древнеримского дядьку, развлекающего местное народонаселение красивыми длинными речами. Но он, по мнению Макса, в подметки не годился Демосфену, дядьке древнегреческому. Тому очень хотелось стать знаменитым оратором, а фиг им станешь, если с детства глотаешь слова и шепелявишь. Однако Демосфен был упертым товарищем. Он уходил в пещеры, набивал рот камешками и толкал речи тамошним летучим мышам. И добился таки своего.

Камешки Макс собирал на пляже. Но уже на второй тренировке его застучала мама и устроила бузу, призвав папу в третейские судьи. Если бы великий грек с великим римлянином услышали, как мама громила опасные древнегреческие эксперименты, они пали бы ниц перед ее ораторским искусством. Роль папы свелась к вопросу: «Ты булыжники хоть вымыл?». О славе Демосфена пришлось забыть.

Как и надеялся Макс, жар в груди, добравшись до высшей точки, прорвался потоком невиданного красноречия.

– В этой квартире мы живем вчетвером: мои родители, я и моя младшая сестра Катя, – начал он издалека. – Кате шесть лет. Она ходит в детский сад. Два дня назад на прогулке в парке – в том, что через дорогу, – она нашла на детской площадке куклу с оранжевыми волосами...

– Два дня назад? – переспросила Лиза. – То есть в четверг? В день, когда Тимоша пропал?

– Да, – подтвердил Макс, – это был четверг. Катя принесла куклу домой, мы отчистили ее от грязи, назвали Рыжим и поставили на полку в Катиной комнате. Между прочим, на самое лучшее место – Катя сама выбирала. Рядом с сиреневым бегемотом Пузиком и куклой Варварой.

Сделав последнее уточнение, Макс покосился на Тимофея, оценил цвет его оттопыренных ушей и решил в дальнейшем на такие подробности не налегать.

– Кукла была так замечательно сделана, что воспринималась как очень дорогая и коллекционная. Моя мама решила обязательно вернуть ее хозяину и собиралась дать объявление на телевидение.

– При чем тут какая-то кукла? – удивилась Лиза. – Ты ведь обещал рассказать, как вы с Тимошей познакомились...

– Сейчас узнаешь, – злорадно произнес Макс. – Не перебивай. Сегодня утром мои родители уехали по делам, и мы с Катей остались одни на целый день. Потом мне позвонил друг, и я пошел к нему, чтобы забрать Тинтина. А когда вернулся, Кати дома не было.

– Тинтина? – простонала Лиза. – У меня сейчас от тебя мозги взорвутся. Сначала кукла, теперь парень из комиксов. Следующим будет, наверно, крокодил на летающей тарелке. Тинтин – это что?

– Не что, а кто, – Макс кипел уже, как исландский гейзер. Рыжая заноза его достала. Видимо, способность допекать людей передается у Галкиных по наследству. – Кто, поняла? Это гигантская африканская улитка ахатина. Самый большой и самый умный моллюск в мире. Видела когда-нибудь улитку в полкилограмма? Она узнает хозяина и любит сидеть у него на руках. А еще у ахатины двадцать тысяч зубов.

Макс остановился и перевел дыхание.

– Тинтин – это ее имя?

Он кивнул головой.

– И она у тебя сейчас здесь?

Он кивнул снова.

– Покажи.

– Ну, – замылся Макс, – Тинтин пока маленький моллюск, ему расти и расти.

После того как все по очереди подержали Тинтина на руках, покормили салатными листьями и смыли с себя слизь, чтобы не пойти пятнами, как друг Макса Серый, Галкины опять уселись на диван. Макс стоял перед ними, собирая мысли в кучку.

– Ничего не понимаю, – ворвалась в мыслительный процесс Лиза. – В твоём рассказе одни дыры. Ты до сих пор ни слова не сказал о Тимоше, зато перескочил с четверга сразу на субботу. А где был эти два дня мой брат?

– Тимофей все это время стоял на полке, – отрезал Макс и замолчал. Дальше следовала самая невероятная часть истории. Ему почему-то показалось обидным, что Галкина в нее сейчас не поверит.

– На какой полке? – фыркнула девочка. – Насколько я помню, на полку вы поставили Рыжего. А я спрашиваю по Тимошу.

– Давай, не стесняйся, – буркнул Тимофей.

Макс вздохнул. Сейчас эта «триза» решит, что я такой же фантазер, как ее брат, если не хуже, подумал он. Мальчик быстро перебрал в уме события последних дней, размышляя, как убедить Лизу, что не врет. И повеселел.

– Все очень просто, – заявил он бодрым тоном. И повторил Галкиной то, что час назад рассказал ее брату. Про то, как искал и не нашел Катю. Про фото Тимофея в телевизоре. Про выпавшую из кармана кнопку. Про вспышку света. Когда он описывал, как Тимофей топтался по столу и рассматривал в окно парк, а потом оттирал грязь кухонным полотенцем, Лиза закатывала глаза и скептически трясла головой. Но Макс не собирался ее щадить. Он поведал, как ожившая кукла первым делом помянула какую-то старуху, как сам он пытался выставить брата Лизы за дверь и как Тимофей пообещал помочь ему найти Катю. Макс остановился лишь тогда, когда дошел до звонка Лизе.

– Дальше ты сама все знаешь.

Некоторое время в доме не раздавалось ни звука. Потом Лиза почесала веснушчатый нос и снова повесила на него очки.

– Не верю, – сказала она. – Мой брат известный выдумщик, и ты, как вижу, такой же. Доказательства у тебя есть?

– Есть, – ответил Макс, радуясь, что сейчас поставит на место насмешливую девчонку. – Пойдем на кухню.

Вытащив изгвазданное полотенце из щели, куда его затолкал Тимофей, Макс продемонстрировал Лизе черные разводы. От тряски с полотенца на пол сыпался песок.

Потыкав в грязь пальцем, Лиза презрительно сморщила нос.

– Хилая у тебя улика, – заявила она, вытирая палец бумажным платком. – А логика совсем никудышная. Ты что думал? Я увижу грязное полотенце и тут же поверю, что Тимоша был куклой? Да мало ли какую фигню вы этой тряпкой вытирали.

Макс оскорбился. Его, без десяти минут известного разработчика компьютерных игр, обвиняют в никудышной логике! Да знает ли эта зануда, что программист без логики – не программист, а всего лишь продвинутый юзер. Не зря же Макс специально вырабатывает у себя способность мыслить логически.

Он пооскорблялся бы подольше, но остыл, поймав скептический взгляд Тимофея. Ну и ладно. Ну что Галкина знает о программировании? Раз полотенце не доказательство, предъявим кое-что получше.

– Не хочешь, не верь, – ухмыльнулся Макс темным стеклам. И выложил козырь:

– Улика номер два, главная и неопровержимая. Сейчас увидишь все собственными глазами. Катя сфоткала Рыжего на мой смартфон.

Он вытащил сотовый, покрутил перед лицом Лизы, как фокусник демонстрирует публике пустую шляпу, из которой в следующее мгновение вытащит кролика, и открыл папку с фотографиями. На первой запечатлелось оттопыренное ухо и немного рыжих волос. На второй – зеленый глаз не в фокусе. Даже при большом желании глаз невозможно было признать Тимофеевым. Снимков было много, но ни один никуда не годился. Или Катя шалила, или у нее было собственное – авторское – представление о кадрировании. В фокус попадали лишь отдельные части Рыжего. Рука в кармане, удивленно открытый рот, ноги в синих слипонах...

– Ладно, – сказала Лиза, – дважды просмотрев все фотки. – По отдельности эти картинки, может, чуть-чуть и напоминают Тимошу. Ну и что? Целого-то изображения нет. Ты говорил, была еще волшебная кнопка?

Мальчишки переглянулись и пулей рванули на кухню.

Глава восьмая. Тайна знака «О»

Ни на столе, накрытом клеенкой с бледно-зелеными огурцами, ни под столом кнопки не было.

– Потерял? Или выдумал? – насмешливо поинтересовалась у Макса рыжая заноза. – Как хоть эта штука выглядела?

– Черный кубик размером с горошину. С одной стороны – кнопка. Она такая – утопленная, не выступает над поверхностью. Надавливаешь на нее, и она внутрь кубика проваливается. На кнопке нарисован знак, похожий на букву «О». Все такое крошечное, будто Левша сделал.

– Ничего не с горошину, – возразил Тимофей. – Гораздо больше. Почти как кубик для «Монополии».

– Думаешь, я не помню, – обиделся Макс. – Я на эту «горошину» сегодня нажимал.

– Кончайте спорить, – скомандовала Лиза. – Лучше поищем как следует.

Макс, Тимофей и Лиза, сдвинувшая очки на макушку, обползали на коленках весь пол на кухне. Сталкиваясь лбами, обшарили прихожую. Пошуровали палкой для селфи под шкафами, холодильником и обувной полкой. Изгваздались в пыли, скопившейся в труднодоступных углах. Заглянули в кладовку и папин кабинет. На всякий случай открыли дверь на лестничную площадку и посмотрели под ковриком.

Под холодильником к палке приклеилась замусоренная розовая жвачка, ее еле отскребли. Из-под шкафа в прихожей выудили три носка, все – разного размера и цвета. В остальных местах не нашлось ничего. Кнопка исчезла, будто ее никогда и не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.